
ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ

К. МАРКС

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

Глава вторая. Метафизика политической экономии.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.

§ I. МЕТОД

Теперь мы в самом сердце Германии! Рассуждая о политической экономии, мы должны будем в то же самое время рассуждать о метафизике. И в этом случае мы последуем лишь за «противоречиями» г-на Прудона. Только что он заставлял нас говорить по-английски, превращаться до известной степени в англичанина. Теперь сцена меняется. Г-н Прудон переносит нас в наше дорогое отечество и заставляет нас поневоле снова превратиться в немца.

Если англичанин превращает людей в шляпы, то немец превращает шляпы в идеи. Англичанин – это Рикардо, богатый банкир и выдающийся экономист; немец – это Гегель, ординарный профессор философии в Берлинском университете.

Людовик XV, последний абсолютный монарх и представитель упадка французской монархии, имел при своей особе медика, который вместе с тем был первым экономистом Франции. Этот медик, этот экономист был провозвестником неминуемого и верного торжества французской буржуазии. Доктор Кенэ сделал из политической экономии науку; он резюмировал ее в своей знаменитой *«Экономической таблице»*. Кроме тысячи и одного комментария, которые были написаны по поводу этой таблицы, мы имеем комментарий, автором которого был сам доктор. Это –

«Анализ Экономической таблицы», сопровождаемый «семью *важными замечаниями*».

Г-н Прудон является вторым доктором Кенэ. Он – Кенэ метафизики политической экономии.

Но метафизика, как и вообще вся философия, резюмируется, по мнению Гегеля, в методе. Мы должны, следовательно, постараться выяснить метод г-на Прудона, по меньшей мере столь же туманный, как и «Экономическая таблица». С этой целью мы сами сделаем семь более или менее важных замечаний. Если доктор Прудон останется недоволен нашими замечаниями, что ж, в таком случае он может принять на себя роль аббата Бодо и сам написать «разъяснение экономико-метафизического метода».

Замечание первое.

«Мы излагаем здесь не ту *историю, которая соответствует порядку времен*, а ту, *которая соответствует последовательности идей*. Экономические *фазы*, или *категории* бывают то одновременны в своих *проявлениях*, то идут в обратном порядке... Тем не менее экономические теории имеют свою *логическую последовательность* и свой *определенный ряд в разуме*: именно этот их порядок нам и удалось, как мы надеемся, открыть» (Прудон, т. I, с. 145 и 146).

Поистине г-н Прудон хотел нагнать страху на французов, забрасывая их этими, квазигегельянскими, фразами. Таким образом, мы имеем дело с двумя лицами: во-первых, с г-ном Прудоном, а во-вторых, с Гегелем. Чем отличается г-н Прудон от других экономистов? И какую роль играет Гегель в политической экономии г-на Прудона?

Экономисты изображают отношения буржуазного производства – разделение труда, кредит, деньги и т. д. – как застывшие, неизменные, вечные категории. Г-н Прудон, который имеет перед собой эти категории в совершенно сформировавшемся виде, хочет объяснить нам акт формирования, происхождение всех этих категорий, принципов, законов, идей, мыслей.

Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их

порождает. Так как г-н Прудон берет эти отношения в качестве принципов, категорий, абстрактных мыслей, то ему остается лишь привести в *порядок* эти мысли, которые уже расположены в алфавитном порядке в конце любого трактата по политической экономии. Материалом для экономистов служит деятельная и подвижная человеческая жизнь; материалом для г-на Прудона служат догмы экономистов. Но раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы желаем видеть в этих категориях лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые от действительных отношений, то мы волея-неволей должны искать происхождение этих мыслей в движении чистого разума. Как порождает эти мысли чистый, вечный, безличный разум? Каким образом создает он их?

Если бы мы обладали неустранимостью г-на Прудона по части гегельянства, то мы сказали бы, что разум различает себя в самом себе от самого себя. Что это значит? Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыркаться, ставя самого себя, противоположая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание. Говоря по-гречески, мы имеем: тезис, антитезис, синтез. Что касается читателей, незнакомых с гегельянским языком, то мы им сообщим sacramентальную формулу: утверждение, отрицание, отрицание отрицания. Вот что значит орудовать словами. Это, конечно, не кабастика, не в обиду будь сказано г-ну Прудону, но это язык этого столь чистого разума, отделенного от индивида. Вместо обыкновенного индивида, с его обыкновенной манерой говорить и мыслить, мы имеем здесь не что иное, как эту обыкновенную манеру в чистом виде, без самого индивида.

Надо ли удивляться тому, что в последней степени абстракции, – так как мы имеем здесь дело с абстракцией, а не с анализом, – всякая вещь представляется в виде логиче-

ской категории? Надо ли удивляться тому, что, устраняя мало-помалу все, составляющее индивидуальную особенность данного дома, отвлекаясь от материалов, из которых он построен, от формы, которая составляет его отличительную черту, мы получаем, в конце концов, лишь тело вообще; что, отвлекаясь от границ этого тела, мы имеем в результате лишь пространство; что, отвлекаясь от измерений этого пространства, мы приходим, наконец, к тому, что имеем дело лишь с количеством в чистом виде, с логической категорией количества? Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевленные или неодушевленные, человеческие или вещественные, мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции логические категории. Так, метафизики, воображающие, что, производя эти абстракции, они занимаются анализом и что, все более и более отрываясь от предметов, они приближаются к предметам и проникают вглубь вещей, — эти метафизики по-своему правы, говоря, что вещи нашего мира представляют собой всего лишь узоры, для которых канвой служат логические категории. Тем-то и отличается философ от христианина, что христианин знает лишь одно воплощение *Логоса*, вопреки логике; у философа же нет конца этим воплощениям. Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?

Все существующее, все живущее на земле или под водой существует, живет лишь в силу какого-нибудь движения. Так, движение истории создает общественные отношения, движение промышленности дает нам промышленные продукты и т. д.

Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же стоит нам только отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном

виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам нетрудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли *абсолютный метод*, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи. Об этом абсолютном методе Гегель говорит следующим образом:

«Метод есть абсолютная, единственная, высшая, бесконечная сила, которой никакой объект не может оказывать сопротивление; это есть стремление разума обрести и познать самого себя в каждой вещи» («Логика», т. III).

Если всякая вещь сводится к логической категории, а всякое движение, всякий акт производства – к методу, то отсюда само собой следует, что всякая совокупность продуктов и производства, предметов и движения сводится к прикладной метафизике. Г-н Прудон пытается сделать для политической экономии то же, что Гегель сделал для религии, права и т. д.

Итак, что же такое этот абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание.

Каким образом разум делает так, что он себя утверждает или полагает в виде той или другой определенной категории? Это уж дело самого разума и его апологетов.

Но раз он достиг того, что положил себя как тезис, то этот тезис, эта мысль, противопоставляясь сама себе, раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, – на положительное и отрицательное, на «да» и «нет». Борьба этих двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов образует диалектическое движение. «Да» превращается в «нет», «нет» превращается в «да», «да» становится одновременно и «да» и «нет», «нет» становится одновременно и

«нет» и «да». Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль – их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащие друг другу мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своего антитезиса другую, противоречащую ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей – их синтез.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом,

Примените этот метод к категориям политической экономики, и вы получите логику и метафизику политической экономики, или, другими словами, вы переведете всем известные экономические категории на малоизвестный язык, благодаря которому они получают такой вид, как будто бы они только что родились в голове, полной чистого разума: до такой степени эти категории кажутся порождающими друг друга, связанными и переплетенными одни с другими посредством одного только диалектического движения. Пусть читатель не пугается этой метафизики со всем ее нагромождением категорий, групп, рядов и систем. Несмотря на величайшее старание взобраться на вершину *системы противоречий*, г-н Прудон никогда не мог подняться выше двух первых ступеней: простого тезиса и антитезиса, да и сюда он добирался лишь два раза, причем из этих двух раз один раз он полетел кувырком.

К тому же мы до сих пор излагали только диалектику Гегеля. Ниже мы увидим, каким образом г-ну Прудону удалось свести ее к самым жалким размерам. Итак, по мнению Гегеля, все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом, философия истории оказывается

лишь историей философии – его собственной философии. Нет более «истории, соответствующей порядку времен», существует лишь «последовательность идей в разуме». Он воображает, что строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному методу, те мысли, которые имеются в голове у всех людей.

Замечание второе.

Экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства. Как истинный философ, г-н Прудон понимает вещи навыворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г-н Прудон-философ, в недрах «безличного разума человечества».

Г-н Прудон-экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шелковые ткани в рамках определенных производственных отношений. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лен и т. д.; общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом.

Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям.

Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и преходящие продукты*.

Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения – «бессмертная смерть».

Замечание третье.

В каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое. Г-н Прудон рассматривает экономические отношения как соответствующее количество общественных фаз, которые порождают одна другую, вытекают одна из другой, как антитезис из тезиса, и в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества.

Единственное неудобство этого метода состоит в том, что, принимаясь за рассмотрение какой-нибудь одной из этих фаз, г-н Прудон не может объяснить ее без помощи всех других общественных отношений, которых он, однако, не успел еще вызвать к жизни посредством своего диалектического движения. А когда г-н Прудон переходит затем, с помощью чистого разума, к порождению других фаз, то он обращается с этими последними, как с новорожденными детьми, забывая, что они столь же стары, как и первая фаза.

Так, чтобы конституировать стоимость, которая есть, по его мнению, основа всякого экономического развития, он не мог обойтись без разделения труда, без конкуренции и т. д. А между тем эти отношения тогда еще совсем не существовали в *определённом ряду*, в *разуме* г-на Прудона, в *логической последовательности*.

Тот, кто из категорий политической экономии конструирует здание некоторой идеологической системы, тем самым разъединяет различные звенья общественной системы. Он превращает различные звенья общества в соответствующее число отдельных обществ, следующих одно за другим. В самом деле, каким образом одна только логическая формула движения, последовательности, времени могла бы объяснить нам общественный организм, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?

Замечание четвертое.

Посмотрим теперь, каким видоизменениям подвергает г-н Прудон гегелевскую диалектику, применяя ее к политической экономии.

По его, г-на Прудона, мнению, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Он рас-

смачивает категории, как мелкий буржуа рассматривает великих исторических деятелей: *Наполеон* – великий человек; он сделал много добра, но он принес также много зла.

Взятые вместе, *хорошая сторона* и *дурная сторона*, *польза* и *вред* составляют, по мнению г-на Прудона, *противоречие*, свойственное каждой экономической категории.

Подлежащая разрешению задача гласит: сохранить хорошую сторону, устраняя дурную.

Рабство есть такая же экономическая категория, как и всякая другая. Следовательно, и оно тоже имеет две стороны. Оставим дурную сторону рабства и займемся хорошей его стороной. Само собой разумеется, что при этом речь идет лишь о прямом рабстве, рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных штатах Северной Америки.

Подобно машинам, кредиту и т. д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Таким образом, рабство представляет собой в высшей степени важную экономическую категорию.

Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты земного шара, – и вы получите анархию, полный упадок современной торговли и современной цивилизации. Уничтожьте рабство, – и вы сотрете Америку с карты народов¹.

---

¹ Для 1847 г. это было совершенно справедливо. В то время торговля Соединенных Штатов с остальным миром ограничивалась главным образом ввозом иммигрантов и продуктов промышленности и вывозом хлопка и табака, т. е. продуктов рабского труда Юга. Северные штаты производили главным образом хлеб и мясо для рабовладельческих штатов. Отмена рабства стала возможна лишь с того времени, как Север начал производить хлеб и мясо для вывоза и наряду с этим сделался промышленной страной, а хлопковая монополия Америки встретила сильную конкуренцию со стороны Индии, Египта, Бразилии и т. д. Да и тогда следствием этой отмены было разорение Юга, которому не уда-

Так как рабство есть экономическая категория, то оно всегда входило в число общественных институтов различных народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство в своих собственных странах, а в Новом Свете ввели его без всякой маскировки.

Что предпримет г-н Прудон для спасения рабства? Он поставит *задачу*: сохранить хорошую сторону этой экономической категории и устранить дурную.

У Гегеля нет надобности ставить задачи. У него есть лишь диалектика. Г-н Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык. Диалектическое движение для самого г-на Прудона состоит лишь в догматическом различении хорошего и дурного.

Примем на минутку самого г-на Прудона за категорию. Рассмотрим его хорошую и его дурную сторону, его достоинства и его недостатки.

Если, сравнительно с Гегелем, он обладает тем достоинством, что он ставит задачи, оставляя за собой право разрешать их для вящего блага человечества, то он имеет также и недостаток, обнаруживая полнейшее бесплодие там, где речь идет о выведении при помощи диалектики какой-либо новой категории. Сосуществование двух взаимно противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению. Перед нами уже не категория, полагающая себя и противопологающая себя самой себе в силу своей противоречивой природы, а г-н Прудон, приходящий в движение, барахтающийся и мечущийся между двумя сторонами категории.

Попав таким образом в тупик, из которого трудно выбраться с помощью законных средств, г-н Прудон делает отчаянное усилие и одним прыжком переносится в область

лось заменить открытое рабство негров замаскированным рабством индийских и китайских кули. – Ф. Э. (*Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.*)

новой категории. Тогда-то и раскрывается перед его восхищенными очами *определенный ряд в разуме*.

Он берет первую попавшуюся категорию и произвольно приписывает ей свойство устранять недостатки категории, подлежащей очищению. Так, налоги устраняют, если верить г-ну Прудону, недостатки монополии, торговый баланс – недостатки налогов, земельная собственность – недостатки кредита.

Перебирая, таким образом, последовательно все экономические категории одну за другой и делая одну категорию *противоядием* по отношению к другой, г-н Прудон сочиняет с помощью этой смеси из противоречий и противоядий от противоречий два тома противоречий, которые он справедливо называет «Системой экономических противоречий».

Замечание пятое.

«В абсолютном разуме все эти идеи... одинаково просты и всеобщы... Фактически мы приходим к науке лишь посредством сооружения из наших идей чего-то *вроде строительных лесов*. Но, взятая сама по себе, истина не зависит от этих диалектических фигур и свободна от комбинаций нашего ума» (Прудон, т. II, с. 97).

Таким образом, неожиданно, посредством крутого поворота, секрет которого нам теперь известен, метафизика политической экономии превратилась в иллюзию! Никогда еще г-н Прудон не высказывал более справедливого мнения. Конечно, раз весь процесс диалектического движения сводится к простому приему противопоставления добра злу, к постановке задач, назначение которых заключается в устранении зла и в употреблении одной категории в качестве противоядия по отношению к другой, то категории утрачивают свое самостоятельное движение; идея «не *функционирует больше*»; в ней уже нет внутренней жизни. Она уже не может ни полагать себя в виде категорий, ни разлагать себя на них. Последовательность категорий превращается в подобие *строительных лесов*. Диалектика уже не представляет собой движения абсолютного разума. От диалектики ничего не остается, и на ее месте оказывается в лучшем случае чистейшая мораль.

Когда г-н Прудон говорил об *определенном ряде в разуме, о логической последовательности категорий*, он положительно заявил, что не намеревается излагать *историю, соответствующую порядку времен*, т. е., по мысли г-на Прудона, ту историческую последовательность, в которой категории *проявлялись*. Все совершалось тогда у него в *чистом эфире разума*. Все должно было вытекать из этого эфира посредством диалектики. Теперь, когда дело идет о практическом применении этой диалектики, разум изменяет ему. Диалектика г-на Прудона отрекается от диалектики Гегеля, и г-н Прудон оказывается вынужденным признать, что порядок, в котором он излагает экономические категории, не соответствует тому порядку, в котором они порождают одна другую. Экономические эволюции не являются более эволюциями самого разума.

Что же в таком случае дает нам г-н Прудон? Действительную историю, т. е., согласно пониманию г-на Прудона, последовательность, в которой категории *проявлялись* соответственно порядку времен? – Нет. Историю, как она совершается в самой идее? – Еще того менее. Значит, он не дает нам ни земной истории категорий, ни их священной истории! Но какую же историю он нам дает в конце концов? – Историю своих собственных противоречий. Посмотрим же, как шествуют эти противоречия и как они влекут за собой г-на Прудона.

Прежде чем приступить к этому рассмотрению, которое послужит поводом к шестому важному замечанию, мы должны сделать еще одно менее важное замечание.

Предположим вместе с г-ном Прудоном, что действительная история, история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма – XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежал веку, а век принципу. Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал

историю. Но если, – чтобы спасти как принципы, так и историю, – мы спросим себя далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале.

Что касается г-на Прудона, то он даже на том окольном пути, по которому следует идеолог, недостаточно продвинулся для того, чтобы выйти на большую дорогу истории.

Замечание шестое.

Последуем за г-ном Прудоном по окольному пути. Допустим, что экономические отношения, рассматриваемые как *неизменные законы*, как *вечные принципы*, как *идеальные категории*, предшествовали деятельной и подвижной жизни людей; допустим, кроме того, что эти законы, эти принципы, эти категории испокон веков дремали в недрах «безличного разума человечества». Мы уже видели, что все эти неизменные и неподвижные вечности не оставляют места для истории; самое большее, что остается, – это история в идее, т. е. история, отражающаяся в диалектическом движении чистого разума. Говоря, что в диалектическом движении идеи уже не *«дифференцируют»* себя, г-н Прудон уничтожает как всякую *тень движения*, так и всякое *движение теней*, с помощью которых еще можно было бы создать хоть какое-нибудь подобие истории. Вместо этого он

приписывает истории свое собственное бессилие и сетует на всех и вся, до французского языка включительно.

«Говоря, что что-нибудь *появляется* или что-нибудь *производится*, мы выражаемся неточно», – сообщает нам г-н Прудон-философ, – «в цивилизации, как и во вселенной, все существует, все действует от века... *Так же обстоит дело и со всей социальной экономией*» (т. II, с. 102).

Действенная сила противоречий, функционирующих в системе г-на Прудона и заставляющих функционировать самого г-на Прудона, так велика, что, желая объяснить историю, он оказывается вынужденным отрицать ее; желая объяснить последовательное появление общественных отношений, он отрицает, что *что-либо* вообще могло *появиться*; желая объяснить производство и все его фазы, он отрицает, что *что-либо* могло *производиться*.

Таким образом, для г-на Прудона нет больше ни истории, ни последовательности идей; а между тем продолжает существовать его книга, та самая книга, которая, по его собственному выражению, есть не что иное, как *«история, соответствующая последовательности идей»*. Как же найти ту формулу – ибо г-н Прудон является человеком формул, – при помощи которой можно *одним прыжком* перепрыгнуть через все эти противоречия?

Для этого он изобрел новый разум, который не является ни абсолютным, чистым и девственным разумом, ни обыкновенным разумом деятельных и подвижных людей, живших в различные исторические эпохи; это – разум совершенно особого рода, разум общества-лица, разум того субъекта, который именуется *человечеством*, разум, который под пером г-на Прудона иногда выступает также в качестве *«социального гения»*, или в качестве *«всеобщего разума»*, или, наконец, в качестве *«человеческого разума»*. Однако этот носящий множество имен разум всякий раз оказывается индивидуальным разумом г-на Прудона со всеми его хорошими и дурными сторонами, с его противоядиями задачами.

«Человеческий разум не создает истины», таящейся в глубинах абсолютного вечного разума. Он может только открывать ее. Но открытые им до сих пор истины неполны,

недостаточны и потому противоречивы. Следовательно, и экономические категории, представляющие собой истины, обнаруженные и раскрытые человеческим разумом, социальным гением, также неполны и носят в себе зародыш противоречия. До г-на Прудона социальный гений видел лишь *антагонистические элементы* и не находил *синтетической формулы*, хотя и элементы и формула одновременно таятся в *абсолютном разуме*. Поэтому экономические отношения, будучи лишь земным осуществлением этих недостаточных истин, этих неполных категорий, этих противоречивых понятий, содержат в себе самих противоречие и представляют две стороны: одну – хорошую, другую – дурную.

Найти законченную истину, понятие во всей его полноте, синтетическую формулу, которая уничтожила бы антиномию, – такова задача, которую должен разрешить социальный гений.

И еще вот почему тот же самый социальный гений в воображении г-на Прудона вынужден был переходить от одной категории к другой, не сумев до сих пор, несмотря на целую батарею своих категорий, вырвать у бога, у абсолютного разума, синтетическую формулу:

«Сначала общество» (социальный гений) «полагает некоторый первый факт, выдвигает некоторую *гипотезу*... истинную антиномию, антагонистические результаты которой развертываются в социальной экономике совершенно таким же порядком, как они могли бы быть выведены в уме в качестве следствий, так что промышленное движение, следуя во всем за дедукцией идей, подразделяется на два потока: поток полезных действий и поток пагубных результатов... Чтобы гармонически конституировать этот двойственный принцип и разрешить эту антиномию, общество порождает *вторую* антиномию, за которой вскоре следует третья, и таково будет *шестие социального гения* до тех пор, пока, исчерпав все свои противоречия, – а я предполагаю, хотя это и не доказано, что собственные человечеству противоречия имеют конец, – он не возвратится одним прыжком ко всем своим прежним положениям и не разрешит всех своих задач в *единой формуле*» (т. I, с. 133).

Как прежде *антитезис* превратился в *противоядие*, так теперь *тезис* становится *гипотезой*. Но теперь нас уже не может удивить эта совершаемая г-ном Прудоном перемена терминов. Человеческий разум, который менее всего чист,

так как обладает лишь неполными взглядами, на каждом шагу наталкивается на новые задачи, требующие решения. Каждый новый тезис, открываемый им в абсолютном разуме и представляющий собой отрицание первого тезиса, становится для него синтезом и довольно наивно принимается им за решение данной задачи. Так этот разум мечется в постоянно новых противоречиях, пока, очутившись у конечного пункта противоречий, он не замечает, что все эти тезисы и синтезы представляют собой не более, как противоречивые гипотезы. В состоянии полного замешательства «человеческий разум, социальный гений, возвращается одним прыжком ко всем своим прежним положениям и разрешает все свои задачи в единой формуле». Заметим мимоходом, что эта единственная формула составляет подлинное открытие г-на Прудона. Это – *конституированная стоимость*.

Гипотезы создаются лишь с какой-нибудь определенной целью. Цель, которую прежде всего ставит себе говорящий устами г-на Прудона социальный гений, заключается в устранении всего дурного в каждой экономической категории, с тем чтобы в ней осталось только хорошее. Для него добро, высшее благо, истинная практическая цель сводятся к *равенству*. А почему социальный гений предпочитает равенство неравенству или братству, или католицизму, или какому-либо другому принципу? Ответ: «человечество лишь потому и осуществляло одну за другой столько частных гипотез, что имело в виду одну высшую гипотезу», которая именно и есть равенство. Другими словами, – потому что равенство есть идеал г-на Прудона. Он воображает, что разделение труда, кредит, фабрика, словом, все экономические отношения были изобретены лишь для того, чтобы послужить на пользу равенства, а между тем они всегда обращались в конце концов против этого последнего. Из того, что история и фикция г-на Прудона противоречат друг другу на каждом шагу, он заключает о существовании противоречия. Но если противоречие и существует,

то лишь между его навязчивой идеей и действительным движением.

Отныне хорошей стороной каждого экономического отношения оказывается та, которая утверждает равенство, дурной – та, которая его отрицает и утверждает неравенство. Всякая новая категория есть гипотеза социального гения, имеющая целью устранение неравенства, порожденного предыдущей гипотезой. Словом, равенство есть *изначальное намерение, мистическая тенденция, провиденциальная цель*, которую социальный гений никогда не теряет из виду, вертясь в кругу экономических противоречий. Поэтому *провидение* есть тот локомотив, с помощью которого весь экономический багаж г-на Прудона движется гораздо лучше, чем с помощью его выдохшегося чистого разума. Наш автор посвятил провидению целую главу, следующую за главой о налогах.

Провидение, провиденциальная цель – вот то громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего. Это в лучшем случае риторическая форма, один из многих способов многословного пересказывания фактов.

Известно, что благодаря развитию английской промышленности возросла стоимость земельной собственности в Шотландии. Эта промышленность открыла для шерсти новые рынки сбыта. Чтобы производить шерсть в больших количествах, нужно было превратить пахотные поля в пастбища. Чтобы совершить это превращение, нужно было концентрировать собственность. Чтобы концентрировать собственность, нужно было уничтожить мелкие хозяйства наследственных арендаторов, согнать тысячи арендаторов с их родной земли и поселить вместо них несколько пастухов, пасущих миллионы овец. Таким образом, в Шотландии земельная собственность путем следовавших друг за другом превращений привела к вытеснению людей овцами. Скажите теперь, что провиденциальной целью института земельной собственности в Шотландии было вы-

теснение людей овцами, – и вы получите провиденциальную историю.

Конечно, стремление к равенству свойственно нашему веку. Но говорить, что все предшествовавшие столетия с их совершенно различными потребностями, средствами производства и т. д. провиденциально действовали для осуществления равенства, говорить это – значит, прежде всего, ставить людей и средства нашего века на место людей и средств предшествовавших столетий и не признавать того исторического движения, посредством которого следовавшие друг за другом поколения преобразовывали результаты, добытые предшествовавшими им поколениями. Экономисты очень хорошо знают, что та же самая вещь, которая для одного была обработанным продуктом, другому служит только сырьем для нового производства.

Предположите вместе с г-ном Прудон, что социальный гений произвел или, вернее, импровизировал феодалов, имея в виду провиденциальную цель превратить *землепашцев в несущих ответственность и равных между собой работников*, и вы сделаете подстановку целей и лиц, вполне достойную того самого провидения, которое в Шотландии учредило земельную собственность с целью доставить себе злобное удовольствие при виде того, как овцы вытесняют людей.

Но так как г-н Прудон проявляет к провидению столь нежный интерес, то мы отсылаем его к «Истории политической экономии» г-на де Вильнёва-Баржемона, который тоже гоняется за провиденциальной целью. Этой целью является уже не равенство, а католицизм.

Замечание седьмое и последнее.

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни – искусственные, другие – естественные. Феодалские институты – искусственные, буржуазные – естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их соб-

ственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения – отношения буржуазного производства – являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это – вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет. До сих пор была история, потому что были феодальные институты и потому что в этих феодальных институтах мы находим производственные отношения, совершенно отличные от производственных отношений буржуазного общества, выдаваемых экономистами за естественные и потому вечные.

Феодализм тоже имел свой пролетариат – крепостное сословие, заключающее в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство тоже имело два антагонистических элемента, которые тоже называют *хорошей* и *дурной стороной* феодализма, не учитывая при этом, что в конце концов дурная сторона всегда берет верх над хорошей. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, вдохновленные рыцарскими добродетелями, прекрасной гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием промышленности, организованной в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они, вдохновленные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить все то, что является теневой стороной этой картины, – крепостное состояние, привилегии, анархию, – то что бы из этого получилось? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия

вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, политический строй, служивший официальным выражением старого гражданского общества, были разбиты.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Разве это не означает, что способ производства, те отношения, в рамках которых развиваются производительные силы, менее всего являются вечными законами, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил, и что всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации – приобретенных производительных сил, то надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата феодальных времен. В ходе своего исторического развития буржуазия неизбежно развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии разворачивается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и

кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата.

Чем более обнаруживается этот антагонистический характер, тем более экономисты, эти ученые представители буржуазного производства, приходят в разлад со своей собственной теорией, и среди них образуются различные школы.

Есть *экономисты-фаталисты*, которые так же равнодушны в своей теории к тому, что они называют отрицательными сторонами буржуазного производства, как сами буржуа равнодушны на практике к страданиям пролетариев, с помощью которых они приобретают свои богатства. Эта фаталистическая школа имеет своих классиков и своих романтиков. Классики, как, например, Адам Смит и Рикардо, являются представителями той буржуазии, которая, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от феодальных пятен, увеличить производительные силы и придать новый размах промышленности и торговле. С их точки зрения, пролетариат, принимающий участие в этой

борьбе и поглощенный этой лихорадочной деятельностью, испытывает только преходящие, случайные страдания и сам воспринимает эти страдания как преходящие. Миссия таких экономистов, как Адам Смит и Рикардо, являющихся историками этого периода, состоит лишь в том, чтобы показать, каким образом богатство приобретает в рамках отношений буржуазного производства, сформулировать эти отношения в виде категорий и законов и доказать, что эти законы и категории гораздо удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета – это лишь муки, сопровождающие всякие роды как в природе, так и в промышленности.

Романтики принадлежат нашей эпохе – эпохе, когда буржуазия находится в прямой противоположности к пролетариату, когда нищета порождается в таком же огромном изобилии, как и богатство. Тогда экономисты разыгрывают из себя пресыщенных фаталистов, с высоты своего величия бросающих презрительный взгляд на те машины в человеческом образе, трудом которых создается богатство. Они копируют все рассуждения своих предшественников, но равнодушные, бывшее у тех наивностью, у этих становится кокетством.

Затем выступает *гуманистическая школа*, принимающая близко к сердцу дурную сторону современных производственных отношений. Для очистки совести она старается по возможности сгладить существующие контрасты; она искренне оплакивает бедствия пролетариев и безудержную конкуренцию между буржуа; она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и производить поменьше детей; она рекомендует буржуазии умерить свой пыл в области производства. Вся теория этой школы основана на бесконечных различениях между теорией и практикой, между принципами и их последствиями, между идеей и ее применением, между содержанием и формой, между сущностью и действительностью, между правом и фактом, между хорошей и дурной стороной.

Филантропическая школа есть усовершенствованная гуманистическая школа. Она отрицает необходимость антагонизма; она хочет всех людей превратить в буржуа; она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма. Само собой разумеется, что в области теории нетрудно отвлекаться от противоречий, встречаемых в действительности на каждом шагу. Подобная теория стала бы тогда идеализированной действительностью. Таким образом, филантропы хотят сохранить категории, выражающие собой буржуазные отношения, но без того антагонизма, который составляет сущность этих категорий и от них неотделим. Филантропам кажется, что они серьезно борются против буржуазной практики, между тем как сами они буржуазны более чем кто бы то ни было.

Точно так же, как *экономисты* служат учеными представителями буржуазного класса, *социалисты* и *коммунисты* являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, — до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенных классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разру-

шительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной.

Возвратимся к г-ну Прудону.

Каждое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону – это единственный пункт, в котором г-н Прудон не изменяет самому себе. Хорошая сторона выставляется, по его мнению, экономистами; дурная – изобличается социалистами. У экономистов он заимствует убеждение в необходимости вечных экономических отношений; у социалистов – ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету. Он соглашается и с теми и с другими, пытаясь сослаться при этом на авторитет науки. Наука же сводится в его представлении к тощим размерам некоторой научной формулы; он находится в вечной погоне за формулами. Вот почему г-н Прудон воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов – потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов – потому, что у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться – хотя бы только умозрительно – выше буржуазного кругозора.

Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом.